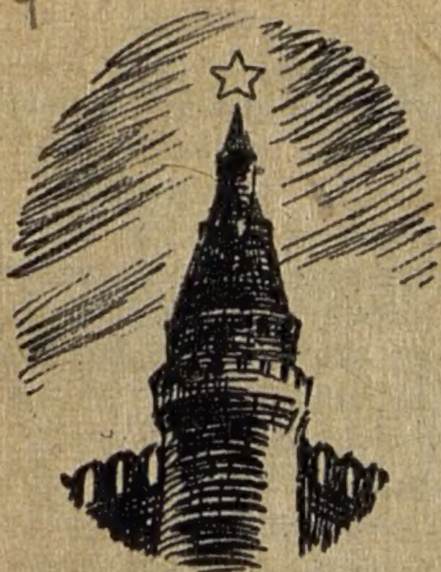
КНИГА ЗА КНИГОЙ

А. С. ЯКОВЛЕВ

О ВЕЛИКОМ И ПРОСТОМ ЧЕЛОВЕКЕ

ДЕТГИЗ 1945

А. С. ЯКОВЛЕВ
ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

О ВЕЛИКОМ И ПРОСТОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Государственное Издательство
Детской Литературы
Наркомпроса РСФСР
Москва 1945 Ленинград

Известный советский авиаконструктор Герой Социалистического Труда А. С. Яковлев написал для ребят и выпустил в свет книгу «Рассказы из жизни». В ней он рассказал о своем детстве, о том, как рос, учился, начал работать в авиации, как стал конструктором самолетов и прошел большой путь — от детской авиамодели до грозного скоростного истребителя «ЯК», покрывшего себя славой в боях за родину.

Лучшие страницы книги посвящены И. В. Сталину.

С большой наблюдательностью, запомнив все детали, каждое слово, рассказывает Яковлев о встречах и беседах с товарищем Сталиным, о непрестанной помощи, которую оказывает Иосиф Виссарионович создателям новых самолетов.

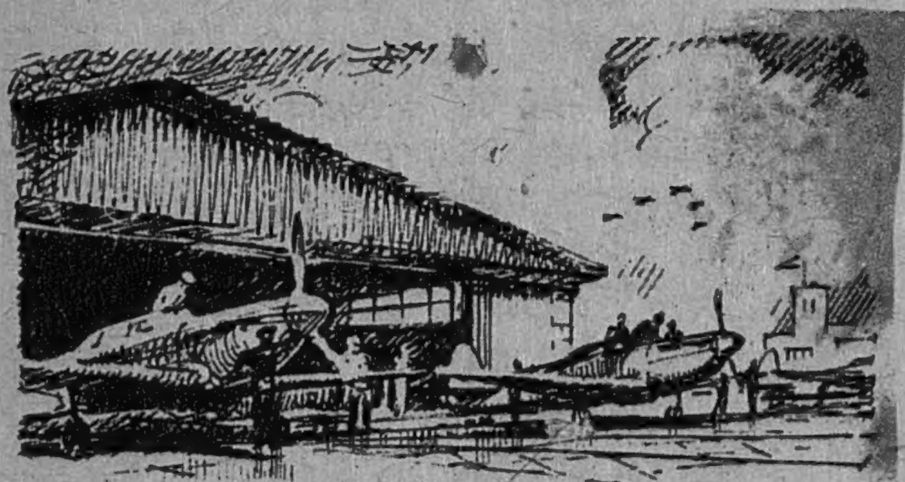
«О великом и простом человеке» — глава из книги А. С. Яковлева «Рассказы из жизни».

Для среднего и старшего возраста

Ответств. редактор *К. Пискунов.*
Подписано к печати 21/VI 1945 г. $^{9}/_{16}$ п. л. (0,75 уч.-изд. л.).
Тираж 75 000 экз. А20270. Заказ № 442. Цена 80 коп

Фабрика детской книги Детгиза Наркомпроса РСФСР.
Москва, Сущевский вал, 49.

После первых испытательных полетов моей новой боевой машины, когда стало бесспорным, что она намного опередила по своим летным качествам другие самолеты, однажды вечером меня неожиданно вызвали к Сталину. Я запомнил этот знаменательный день — это было 27 апреля 1939 года.

Прошло несколько лет с момента моей первой встречи с товарищем Сталиным на Тушинском аэродроме. Правда, за это время мне приходи-

лось несколько раз видеть его на официальных совещаниях и заседаниях в Кремле, но теперь я шел по его личному вызову, я знал, что он меня примет в своем кабинете и будет со мной разговаривать.

Я был охвачен необыкновенным волнением. По дороге в Кремль я тысячу раз мысленно представлял себе предстоящую встречу: как подойду к товарищу Сталину, как поздороваюсь; старался угадать, о чем он меня спросит и как мне надо ему отвечать. Я трепетал при мысли, что сейчас буду с ним разговаривать, увижу кабинет, где он работает.

В вестибюле приемной два молоденьких лейтенанта, проверив мой пропуск, так лихо козырнули и так приветливо улыбнулись, что мне показалось, будто и они знают, куда и к кому я иду, и сочувствуют моим переживаниям.

Я с благоговением поднимался по лестнице, устланной красным

ковром, а открывая за ярко начищенную медную ручку большую двухстворчатую белую кремлевскую дверь, думал, что, может быть, совсем недавно здесь же проходил и дотрагивался до этой ручки сам Сталин.

Пройдя несколько больших комнат, я очутился в секретариате. Подойдя к одному из секретарей, я собрался представиться, но он предупредил меня:

— Конструктор Яковлев? Товарищ Сталин назначил вам в шесть часов, а сейчас пять часов сорок пять минут, — сказал секретарь и попросил меня подождать.

Точно в назначенное время меня пригласили пройти в кабинет. Задыхаясь от волнения, я вошел.

Там, кроме Сталина, были Ворошилов и Молотов.

Сталин пошел навстречу и пожал мне руку. Потом со мной поздоровались Ворошилов и Молотов.

Не скажу, что когда я вошел в кабинет, мое волнение сразу как рукой сняло, — нет, но постепенно оно ослабевало. Меня встретили очень тепло. Своим рукопожатием, ровным голосом, походкой товарищ Сталин действовал на меня особенно успокаивающе.

Он начал расспрашивать меня о работе, о моей новой машине.

Кабинет, где товарищ Сталин работает, где он творит великие дела, невольно на всю жизнь врезался в мою память. Признаться, в первый момент я был как-то даже разочарован, может быть потому, что заранее себя настроил, воображая, что такого необыкновенного, великого человека, как Сталин, и обстановка должна окружать какая-то необыкновенная.

Меня поразила исключительная простота и скромность во всем. Большой кабинет со сводчатым потолком выходит тремя окнами на

кремлевский двор. Белые гладкие стены снизу в рост человека облицованы светлой дубовой панелью. Справа, как войдешь, стоит витрина с посмертной маской Ленина. Налево большие стоячие часы в футляре черного дерева с инкрустацией. Через весь кабинет постлана ковровая дорожка к письменному столу. На столе много книг и всевозможных материалов. За столом — кресло, слева от кресла — телефонный столик с телефонами. Телефоны разного цвета, чтобы не перепутать. Над письменным столом — известный портрет Ленина, выступающего на трибуне. Слева от стола, в простенке между окнами, — стеклянный книжный шкаф. Я успел заметить некоторые книги: полное собрание сочинений Ленина, Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, Большая Советская энциклопедия...

Вдоль противоположной стены кабинета, на которой висят портре-

ты Маркса и Энгельса, стоит длинный стол, покрытый темным сукном; к столу придвинут ряд стульев. В тот момент, когда я вошел, Сталин сидел в дальнем конце за этим большим столом, Молотов и Ворошилов — справа и слева от него.

Из кабинета раскрыта дверь в следующую комнату, стены которой сплошь увешаны географическими картами. Посередине комнаты стоит огромный глобус.

На письменном столе я увидел модель самолета с надписью: «Сталинский маршрут». На таком самолете Чкалов, Байдуков и Беляков совершили в свое время замечательный перелет в Америку через Северный полюс.

По мере того как разговор углублялся в техническую область, в мою родную стихию, я все больше и больше успокаивался, а к концу разговора совершенно освоился.

Сталин, Молотов и Ворошилов вели со мной разговор так просто, что я перестал стесняться и, отвечая на их вопросы, уже не подыскивал слова, как вначале, а разговаривал так, как будто виделся с ними много раз.

После того как был решен ряд вопросов о моей дальнейшей работе, Ворошилов что-то написал на листочке бумаги и, лукаво поглядывая на меня, показал Сталину, который, прочтя, кивнул головой в знак согласия. Тогда Ворошилов прочитал текст ходатайства перед Президиумом Верховного Совета о награждении меня орденом Ленина, автомобилем «ЗИС» и премией в сто тысяч рублей. Это ходатайство тут же все трое подписали.

Я никак не ожидал такой награды и так растерялся, что даже не поблагодарил. Единственно, что я еще нашел сказать, это то, что работал не я один, а целый коллек-

тив, и что награждать меня одного было бы несправедливо. На это Сталин ответил, что нужно немедленно представить список моих сотрудников, которые работали над новой машиной, чтобы их также наградить.

После этого со мной очень тепло, дружески попрощались, пожелали дальнейших успехов в работе и отпустили.

Это была моя первая личная встреча с товарищем Сталиным. Она оставила во мне глубокое впечатление и имела громадное значение для меня и для моей будущей работы.

Домой я пришел довольно поздно. Мама была дома. Она знала, у кого я был, но, видя, в каком возбужденном состоянии я вернулся домой, не надоедала мне расспросами. О том, что меня обещали наградить орденом Ленина, я ничего ей не сказал. «Зачем, — думаю, — говорить, что решено ходатайство-

вать о награждении? Когда наградят, тогда и скажу».

Я долго не мог заснуть, перебирая в памяти происшедшее. Заснул только под утро. Просыпаюсь, смотрю, мама стоит и плачет. Я со сна ничего не понял. Испугался.

— Что ты плачешь? — спрашиваю. — Что случилось?

— Вот, от людей последняя узнала!

— Что ты узнала?

— Ты от меня скрывал! Тебя наградили?

Тут я догадался, в чем дело, хотя и сам еще не знал подробностей.

Оказывается, мама пошла утром за молоком, а лифтерша ей и говорит:

— Поздравляю вас! Вашему сынку такая награда!

Потом уж мама достала газету и прочитала. Она плакала и от счастья и от обиды, что я накануне вечером ей ничего не сказал.

Утром на заводе я составил список работников, заслуживавших награждения.

Лег спать я в этот день рано, радостный, утомленный событиями вчерашнего вечера и бесконечными поздравлениями, и сразу крепко заснул. Меня разбудил звонок по телефону:

— Конструктор Яковлев? Говорят из секретариата товарища Сталина. Позвоните товарищу Сталину, он хочет с вами говорить.

И дали мне номер телефона.

Я в страшном смятении набрал этот номер и вдруг слышу знакомый голос:

— Здравствуйте! Передо мной лежит список ваших конструкторов, представляемых к награде орденами. Вы, кажется, забыли летчика. Что-то я его здесь не вижу.

— Как же, товарищ Сталин! Летчик там есть, он представлен к награде орденом Ленина.

— Ах, верно, верно! Это я, значит, пропустил. А как дела у вас?

— Хорошо, товарищ Сталин.

Вот тут бы поблагодарить его — такой удобный случай! — а я опять забыл и повторяю:

— Все в порядке.

— Ну, если в порядке — хорошо. Будьте здоровы, желаю успеха.

И, только положив трубку телефона, я понял, что опять сделал оплошность и не поблагодарил за награду. Меня это страшно мучило.

Через несколько дней Сталин вновь меня вызвал. Тут я уже нашелся и стал его благодарить и за себя и за свой коллектив. Я сказал ему, что эта награда не по нашим заслугам, что впредь я, конечно, постараюсь оправдать ее.

Сталин ответил посмеиваясь:

— Что ж благодарить? Если человек хорошо работает и заслужил награду, что ж благодарить? Сами себя и благодарите.

После первой встречи с товарищем Сталиным мне приходилось еще не раз встречаться с ним по работе, и все больше и больше раскрывается передо мной образ этого великого человека.

Сталин во всем, что касается лично его, исключительно скромен.

Одевается он просто. До войны он носил обычно серый френч особого типа — даже, собственно, не френч, а удобную, не стесняющую движений тужурку, — такого же материала серые брюки и легкие удобные сапоги из мягкой кожи.

Во время разговора он мягко прохаживается по кабинету. Слушая собеседника, очень редко перебивает его, дает высказаться до конца.

Я заметил, что на заседаниях в правительственных учреждениях ему часто посылают записки. Он всегда прочитает записку, сложит аккуратно и положит в карман.

И. В. Сталин.

С портрета А. Герасимова.

Ни одна из них не остается без внимания.

Сталин не терпит поверхностности и совершенно безжалостен к тем, кто при обсуждении какого-нибудь вопроса проявляет незнание дела. Таких людей он остро и едко критикует, поэтому выступать легкомысленно в его присутствии отпадает охота раз и навсегда.

Требовательность в работе — характерная черта Сталина.

Не раз мне приходилось быть свидетелем такого разговора. Дается какое-нибудь задание ответственному работнику. Тот говорит:

— Товарищ Сталин, срок мал, и дело это очень трудное!

А Сталин в ответ:

— А мы здесь только о трудных делах и говорим. Потому-то вас и пригласили сюда, что дело трудное. Скажите лучше, какая вам нужна для этого помощь, и сделайте все, что надо, и к сроку.

Сталин любит, чтобы на его вопросы давали короткий, прямой и четкий ответ, без вихляний. Обычно тот, кто в первый раз бывает у него, долго не решается ответить на заданный вопрос, старается хорошенько обдумать ответ, чтобы не попасть впросак. Так и я первое время, прежде чем ответить товарищу Сталину на какой-нибудь вопрос, мялся, смотрел в окно, на потолок.

А Сталин, смеясь, говорит:

— Вы на потолок зря смóтрите, там ничего не написано. Вы уж лучше прямо смотрите и говорите, что думаете. Это единственное, что от вас требуется.

Как-то на прямо поставленный вопрос я затруднился ответить — не знал, как воспримет мой ответ Сталин, понравится ли ему то, что я скажу.

Он заметил это и серьезно сказал:

— Только, пожалуйста, отвечайте так, как вы сами думаете. Не старайтесь сказать то, что мне может понравиться. В разговорах со мной не нужно этого. Мало пользы получится от нашего разговора, если вы будете угадывать мои желания. Не думайте, что если вы скажете невпопад с моим мнением, это будет плохо. Вы специалист. Мы с вами разговариваем для того, чтобы у вас кое-чему поучиться, а не только чтобы вас учить.

Характеризуя одного руководящего работника, которого в свое время освободили от должности, товарищ Сталин сказал:

— Что в нем плохо? Прежде чем ответить на какой-нибудь вопрос, он прямо-таки по глазам старается угадать, что нужно ответить, чтобы не получилось невпопад, как сказать, чтобы угодить. Такой человек, сам того не желая, может принести большой вред делу.

Как-то раз Сталин сказал:

— Если вы твердо убеждены, что правы, и сумеете доказать свою правоту, никогда не считайтесь с чьими-то мнениями, а действуйте так, как вам подсказывает ваш разум и ваша совесть.

Сталин не терпит безграмотности. Когда ему дают неграмотно составленный документ, он возмущается:

— Вот безграмотный человек! А попробуй упрекнуть — сейчас начнет свою неграмотность объяснять рабоче-крестьянским происхождением. Это неправильно. Это некультурность, неряшливость. Особенно в оборонном деле недопустимо рабочим и крестьянским происхождением объяснять недостатки своего образования, свою техническую неподготовленность, некультурность или незнание дела. Враги нам скидки на социальное происхождение не сделают. Именно потому, что мы рабо-

чие и крестьяне, мы должны быть всесторонне и безукоризненно подготовлены по всем вопросам не хуже врага.

Некоторым из командиров армии, которые пытались недостаточное знание дела и, особенно, сложной боевой техники искупить своей личной храбростью и презрением к опасности, Сталин говорил не раз:

— Многие у нас кичатся своей смелостью. Одна смелость без отличного овладения боевой техникой ничего не даст. Одной смелости, одной ненависти к врагу недостаточно. Как известно, американские индейцы были очень храбрыми людьми, но и они ничего не могли сделать со своими луками и стрелами против белых, вооруженных ружьями.

При решении отдельных вопросов в узком кругу лиц, имеющих отношение к обсуждаемому делу, Сталин дает высказаться по желанию всем присутствующим. У неко-

торых он сам спрашивает мнение и затем подводит итоги. Потом пододвигает кому-нибудь лист бумаги, карандаш и говорит:

— Пишите.

И сам диктует какой-нибудь важный документ.

Однажды пришлось и мне писать под его диктовку. Зная, как он относится к этому делу, я напрягал всю свою память и старался не сделать ни одной грамматической ошибки. А он диктует и нет-нет да подойдет и через плечо поглядит, как получается. Вдруг он остановился, посмотрел написанное и моей же рукой с карандашом поставил запятую.

В другой раз я не совсем удачно построил фразу. Сталин и говорит:

— Что ж вы подлежащее после сказуемого поставили? С подлежащими у вас что-то не в порядке! Вот как нужно! — И поправил.

После этого случая я очень внимательно перечитал грамматику русского языка.

Правильному, грамотному изложению мысли товарищ Сталин придает очень большое значение.

— Если человек не может грамотно, правильно изложить свои мысли, значит, он и мыслит так же бессистемно, хаотично. Как же он в порученном деле наведет порядок?

Сам Сталин и окружающие его работают с необычайной четкостью.

Однажды вызвали меня к Сталину и дали одно важное задание. Я взялся его выполнить.

Сталин сказал:

— Это срочное дело, его нужно очень быстро выполнить, и мы решили поручить его вам. Чем нужно помочь?

Я говорю:

— Ничего не нужно, все у меня есть для того, чтобы сделать.

— Хорошо, если что будет нуж-

но, вы не стесняйтесь, звоните, обращайтесь за помощью.

Тут я вспомнил:

— Товарищ Сталин, есть просьба! Но вопрос уж очень маленький, стоит ли вас утруждать!

— Пожалуйста.

— При выполнении этого задания будет много разъездов по аэродромам, а у меня на заводе плохо с автотранспортом. Мне нужны две машины «М-1».

— Больше ничего? Только две машины?

— Да, больше ничего. Все остальное у меня есть.

И меня отпустили.

Я поехал тут же на завод. Приехал, а меня встречает заместитель и говорит:

— Александр Сергеевич, сейчас звонили из Наркомата автотракторной промышленности, просили прислать человека с доверенностью и получить две машины «М-1».

И дает мне подписать доверенность. Я подписал, и через сорок минут две новенькие машины «М-1» были уже на заводе.

А через час мне позвонил секретарь товарища Молотова и спросил, получили ли мы автомашины. Это была уже проверка исполнения. Я и подумал: вот сталинский стиль работы, вот как нужно работать всем!

В государственной работе товарищу Сталину приходится встречаться со многими людьми. Он любит новых людей, любит изучать их, знать, что каждый собой представляет, что кому можно поручить, на что человек способен. Часто в деловом разговоре у него проскальзывают шутки, остроты.

Однажды мы были у Сталина по какому-то вопросу. Во время беседы речь коснулась работников, не совсем хорошо себя проявивших, и Сталин вскользь заметил:

— Вот Мильтиад и Фемистокл из Замоскворечья!

Сказал и внимательно посмотрел на нас, как мы реагируем: поняли шутку или нет? Я не совсем понял и задал вопрос:

— Почему из Замоскворечья?

— А вы знаете, кто были Мильтиад и Фемистокл?

— Полководцы в древней Греции.

— А чем они отличились?

— В битвах каких-то, а чем, точно не знаю.

Мне сделалось очень стыдно за свое незнание истории древней Греции.

Как-то, характеризуя одного работника, Сталин сравнил его с одним из чеховских персонажей в рассказе «Свадьба». Сказал, а потом вдруг спрашивает:

— Помните этот рассказ?

— Нет, не помню, товарищ Сталин!

— Неужели вы Чехова не читали?!

— Читал всего Чехова несколько раз, а этого рассказа не помню.

— Есть вещи, которые запоминаются.

Опять мне стало стыдно. А ведь я считал себя начитанным и культурным человеком!

Технический ли идет разговор или на политическую тему, Сталин любит приводить подходящие к случаю примеры из истории, мифологии, из классической литературы.

Он замечательно, с большим юмором цитирует «Историю одного города» и безжалостно высмеивает тех, у кого еще кое-что сохранилось от щедринских героев.

Намечалось испытание одной новой машины. Провести его нужно было очень срочно. И вот нашлись современные пошехонцы, предложившие отвезти машину для испы-

тания далеко от завода на том основании, что летчики, которые должны были испытывать ее, находятся там.

Сталин сказал:

— Зачем же машину везти? Проще летчикам сюда приехать. Кто же так работает! Почему не подумаете? С глуповцев пример берете. Знаете, как они теленка на баню тащили, а Волгу толокном замесили?

Как-то поздно ночью после затянувшегося делового разговора в служебном кабинете Сталин пригласил всех присутствовавших к себе домой поужинать:

— На сегодня, кажется, хватит. Не знаю, как другие, а я проголодался. Специально никого не приглашаю, чтобы это не приняли как обязательное и обременительное, а кто хочет поужинать, милости просим!

Ну кто откажется со Сталиным поужинать? Часто ли приходится получать такие приглашения?

Все идут вместе с ним на квартиру. К приходу гостей в столовой уже накрыт стол. Обстановка в квартире у товарища Сталина скромная и строгая. Поражает обилие книг. Даже в столовой по стенам стоят шкафы, битком набитые книгами.

Разговор за ужином касается самых разнообразных тем: политических, международных, вопросов техники, литературы, искусства. При этом все собеседники очень свободно и непринужденно высказываются. Нет атмосферы подчинения, связанности — все равны.

Сталин часто обращается за справками к книгам. Увлекшись каким-нибудь вопросом, он идет к книжному шкафу, достает нужную книгу. Если разговор касается географии, тогда он берет свою ста-

рую, уже потертую карту и говорит:

— Посмотрим по моей карте. Правда, она истрепалась вся, но еще служит.

Речь Сталина всегда насыщена литературными примерами. У него редкая память — большие отрывки из отдельных произведений он приводит почти дословно. Особенно он любит Горького, Чехова, Салтыкова-Щедрина.

Как-то зашел разговор о приключенческой литературе, о произведениях Майн-Рида и Фенимора Купера. Сталин сказал, что в детстве он зачитывался их романами.

А я тоже в детстве увлекался этими книгами. Я и говорю ему:

— Да, это очень интересные и полезные книги. Жаль, что сейчас не только новых книг таких не пишут, но даже не переиздают старых.

Сталин лукаво усмехнулся:

— Ну как же Майн-Рида и Купера будут наши издатели выпускать, если там ничего о колхозах и тракторах не написано!

Сталин исключительно деликатен в обращении с людьми, вежлив и внимателен к собеседникам. Вызывая к себе, он всегда спрашивает:

— Вы не очень заняты?

Или:

— Могли бы вы сейчас без ущерба для дела ко мне приехать?

— Ну конечно, товарищ Сталин!

— Тогда приезжайте быстрее.

Первое время, когда я не был еще заместителем наркома авиационной промышленности, каждый раз, когда я уходил, Сталин спрашивал:

— Машина есть?

Это чтобы довезти, если нет машины.

Сталин часто ставит в пример жизнь и работу Владимира Ильича

Ленина. Он любит вспоминать различные встречи с ним. Однажды он рассказал такой случай.

В 1918 году советское правительство решило переехать из Петрограда в Москву. Время было тревожное, в Москве только что был подавлен мятеж эсеров и меньшевиков.

— Когда мы приехали в Москву, — рассказывал Сталин, — мы, спутники Владимира Ильича, очень боялись за его безопасность. Поэтому, когда мы увидели, что ехать нужно в открытой машине, мы посадили Ленина, а сами вокруг него встали, чтобы не было видно Ильича и чтобы прикрыть его в случае покушения. Владимир Ильич никак не хотел с этим примириться и требовал, чтобы мы тоже сели рядом с ним. Но мы отказались и всю дорогу ехали стоя.

Замечательную школу проходит каждый, кто встречается по работе

с товарищем Сталиным. Каждый разговор с ним оставляет глубокий след. После каждой встречи ощущаешь свой политический и деловой рост.

Цена 80 к.

